

Воспоминанія жизни В. Г. Тернера¹⁾.

1892.

Втромъ 26 марта меня разбудили, чтобы сообщить мнѣ, что И. А. Вышнеградскій внезапно заболѣлъ; такъ какъ несмотря на то, онъ собирался ѣхать съ докладомъ къ Государю, то меня просили поскорѣе прибыть къ нему, въ надеждѣ, что мнѣ удастся отговорить его отъ поѣздки. Я, разумѣется, поскорѣе одѣлся и отправился къ нему, но оказалось, что онъ уже уѣхалъ. Съ нимъ ночью сдѣлался параличъный припадокъ, который въ теченіе дня все усиливался.

Въ этотъ же день имѣлъ докладъ у Государя и С. Ю. Витте, назначенный незадолго передъ тѣмъ Министромъ Путей Сообщенія. Встрѣтившись въ пути съ Иваномъ Алексѣевичемъ, онъ былъ пораженъ тѣмъ, какимъ онъ его увидѣлъ, а отъ сопровождавшаго его чиновника узналъ, что произошло. Прибывъ въ Царское Село, Сергѣй Юльевичъ поспѣшилъ въ кабинетъ Государя, чтобы предупредить его, къ какому видѣ является Вышнеградскій. Дѣйствительно, Иванъ Алексѣевичъ едва могъ направиться къ столу Государя. Уже предупрежденный, Государь подошелъ къ нему и уговорилъ его ѣхать домой, успокоивъ его, что онъ можетъ доложить о дѣлахъ, какъ скоро только поправится. Съ слѣдующимъ же поѣздомъ Ивана Алексѣевича отвезли обратно въ Петербургъ; онъ прибылъ домой уже окончательно больной, и его уложили въ постель.

Сергѣй Юльевичъ немедленно выписалъ изъ Москвы пользовавша-

¹⁾ См. „Русская Старина“ мартъ 1911 г.

гося въ то время громадною репутаціей, доктора Захарьина. При первомъ осмотрѣ онъ нашель положеніе Вышнеградскаго вызывавшимъ большія опасенія, но уже на слѣдующій день онъ нашель въ его состояніи значительное улучшеніе, которое затѣмъ постоянно продолжалось.

Захарьинъ долженъ былъ немедленно написать рапортъ Государю о томъ, въ какомъ положеніи онъ нашель министра финансовъ; разумѣется, онъ не могъ не указать на то, что по крайней мѣрѣ болѣе или менѣе продолжительное время ему придется воздержаться отъ дѣлъ. При такихъ условіяхъ управленіе министерствомъ переходило ко мнѣ—я послалъ докладъ Государю, испрашивая его соизволеніе на вступленіе въ управленіе министерствомъ.

По случаю моей встрѣчи у больного Вышнеградскаго съ докторомъ Захарьинымъ, не могу не сказать нѣсколько словъ объ этой, во всякомъ случаѣ необыкновенной личности. Захарьинъ пользовался въ Москвѣ репутаціей замѣчательно искуснаго доктора и ужаснаго чудака. Понимая, какъ надо было, по крайней мѣрѣ въ то время, обращаться съ богатымъ московскимъ купечествомъ *qu'il fallait leur imposer*, онъ ни въ чемъ съ ними не стѣснялся и обращался съ ними какъ-то свысока. У него опредѣлена была довольно высокая цѣна за визитъ, затѣмъ онъ требовалъ, чтобы за нимъ всегда присылали экипажъ, чтобы на квартирѣ больного для него всегда были приготовлены нѣкоторые фрукты и напитки, которые онъ привыкъ употреблять... о его чудачествахъ много рассказывали, но несомнѣнно, что эти чудачества поднимали его авторитетъ у московскаго купечества. Слышавъ объ его привычкахъ, меня интересовало, какъ онъ будетъ себя вести въ Петербургѣ. Онъ оказался совершенно другимъ. У Вышнеградскаго онъ велъ себя чрезвычайно просто и естественно, не выкидывая никакихъ странностей. Въ разговорахъ съ нимъ я убѣдился, что это очень умный и тонкій человекъ, который хорошо знаетъ, съ кѣмъ какъ обращаться. Такъ напр., говоря со мною, онъ упомянулъ, что онъ знакомъ съ моими экономическими сочиненіями, затѣмъ завелъ со мною рѣчь о нашемъ общемъ знакомомъ, покойномъ профессорѣ Вернадскомъ.

Въ послѣдній годъ жизни покойнаго Государя Захарьинъ былъ приглашенъ къ Государю и тутъ при Дворѣ, какъ рассказываютъ, онъ заявлялъ разныя требованія и претензіи, которыя коробили придворныя сферы. Но я полагаю, что онъ такъ поступалъ совершенно сознательно и намѣренно. Признавая положеніе Государя очень опаснымъ и предвидя, особенно въ виду того, что Государь, не вѣровавшій въ медицину, не исполнялъ его предписаній, что вскорѣ долженъ наступить печальный конецъ, котораго ничѣмъ предотвратить

нельзя, — онъ желалъ только одного — возможности удалиться, и потому совершенно не старался быть *persona grata*, а наоборотъ. Дѣйствительно, послѣ консультаціи онъ вскорѣ уѣхалъ и болѣе уже не возвращался къ больному. Онъ достигъ того, чего желалъ.

6-го апрѣля Государь утвердилъ меня Управляющимъ Министерствомъ Финансовъ; я оставался въ этомъ положеніи по 30-е августа, т. е. около пяти мѣсяцевъ.

Время это было довольно суетливое. Кромѣ текущихъ дѣлъ по министерству, приходилось ликвидировать дѣла, вызванныя въ прошломъ году запрещеніемъ вывоза хлѣба; все еще необходимо было оказывать въ разныхъ мѣстностяхъ пособіе сельскому населенію, еще не оправившемуся отъ неурожая; затѣмъ появившаяся холера потребовала принятія разныхъ мѣръ по соглашенію съ министерствами внутреннихъ дѣлъ и военнымъ, наконецъ приходилось наблюдать за биржей и производить операціи по покупкѣ и продажѣ золота, въ видахъ сохраненія курса на извѣстномъ уровнѣ. По этой послѣдней операціи, Иванъ Алексѣевичъ поручилъ мнѣ сноситься съ А. А. Абазой, который находился въ своемъ имѣніи; Абаза, впрочемъ, почти всегда соглашался съ моими предложеніями.

Одновременно съ симъ приходилось заниматься и дипломатическими дѣлами. Одно утро ко мнѣ заѣхалъ испанскій секретарь посольства, замѣнявшій временно посланника, который былъ въ отпуску, и сообщилъ мнѣ, что черезъ двѣ недѣли истекаетъ срокъ торговаго договора между Россіей и Испаніей, и что если не принять немедленно мѣръ къ возобновленію договора, то торговля сношенія между двумя странами могутъ пострадать. Повидимому, испанскій посланникъ въ Петербургѣ и нашъ посланникъ въ Мадридѣ князь Горчаковъ просто прозѣвали это дѣло. Въ торговлѣ съ Испаніей была особенно заинтересована Финляндія, сбывавшая туда лѣсъ на своихъ судахъ и привозившая оттуда вина. Переговоривъ обстоятельно и условившись съ испанскимъ секретаремъ, я немедленно послалъ всеподданнѣйшій докладъ Государю, въ которомъ, изложивъ положеніе дѣла, я просилъ разрѣшенія на возобновленіе означеннаго договора и вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлалъ по этому поводу необходимое сношеніе съ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ. Согласіе Государя послѣдовало, а испанскій повѣренный въ дѣлахъ съ своей стороны снесся по телеграфу со своимъ правительствомъ, и въ теченіе двухъ недѣль все это дѣло было приведено къ благополучному окончанію. Молодой испанскій секретарь былъ особенно доволенъ тѣмъ, что во время его временнаго управленія посольствомъ ему удалось устроить такое дѣло. Кромѣ того пришлось вести переговоры съ французскимъ посломъ, Монтебелло, въ

виду предполагавшагося къ заключенію торговаго договора съ Франціею,—это дѣло, начатое мною, было закончено уже С. Ю. Витте.

На первое время мнѣ приходилось каждый разъ испрашивать соизволеніе Государя на назначеніе времени для моего доклада, но затѣмъ, благодаря посредничеству И. Н. Дурново, у меня устроился еженедѣльный докладъ въ опредѣленный день. Доклады происходили первоначально въ Гатчинѣ, а съ іюля въ Петергофѣ. Первый разъ, когда мнѣ пришлось ѣхать съ личнымъ докладомъ къ Государю, я находился въ нѣсколько тревожномъ состояніи. Но дѣло обошлось очень хорошо. Государь былъ очень естественъ въ своемъ обращеніи, съ большимъ вниманіемъ выслушалъ мой докладъ, почти со всѣмъ согласился и, при выходѣ подавъ мнѣ руку, благодарилъ меня. Это повторялось почти послѣ cadaго доклада. Замѣчательно, до какой степени было просто помѣщеніе Государя въ Гатчинѣ, небольшой кабинетъ, въ которомъ стоялъ только письменный столъ и нѣсколько стульевъ,—но еще меньше было помѣщеніе въ Александріи, гдѣ приходилось въ кабинетъ проходить черезъ уборную Государя, совершенно какъ на частной дачѣ, а не во дворцѣ.

Въ концѣ апрѣля состоялась закладка основаній церкви на Гутуевскомъ островѣ, которая строилась для пограничной стражи. Въ качествѣ Управляющаго М. Ф. мнѣ пришлось участвовать въ этой религіозной церемоніи. Въ фундаментъ были замуравлены, какъ это обыкновенно дѣлается, разныя монеты чеканки того года и серебряная доска, на которой были выгравированы данныя о днѣ закладки церкви, имена присутствующихъ лицъ—и упомянуто объ управляющемъ Мин. Финансовъ. Такимъ образомъ мое имя и положеніе въ этомъ году оказались увѣковѣченными на этой доскѣ, которая будетъ пребывать въ фундаментѣ собора вѣроятно до тѣхъ поръ, пока Петербургъ будетъ существовать. Молебень по этому случаю служилъ извѣстный отецъ Іоаннъ Кронштадтскій. Мнѣ пришлось при этомъ видѣть его въ первый разъ. Онъ произвелъ на меня очень пріятное впечатлѣніе, я поговорилъ съ нимъ и просилъ его благословенія.

Иванъ Алексѣевичъ Вышнеградскій уѣхалъ за границу лѣчиться 9-го апрѣля и вернулся въ Петербургъ въ началѣ іюня. Мы условились съ С. Ю. Витте поѣхать ему навстрѣчу въ Колпно. Мы нашли его значительно поправившимся, но еще слабымъ,—онъ самъ казался довольно обезкураженнымъ. Дня черезъ два послѣ своего возвращенія Иванъ Алексѣевичъ благодарилъ меня за мои добрыя чувства къ нему и за то, какъ я велъ въ это время дѣла Министрства. Сознаюсь, что это заявленіе было мнѣ очень пріятно. По-видимому, уѣзжая, Вышнеградскій нѣсколько беспокоился, какъ по-

дуть дѣла безъ него. Но по своемъ возвращеніи ему пришлось слышать съ разныхъ сторонъ и, кажется особенно отъ Островскаго, что дѣла шли у меня вполнѣ удовлетворительно, такъ что онъ совершенно успокоился.

Иванъ Алексѣевичъ оставался въ Петербургѣ только нѣсколько дней и затѣмъ уѣхалъ для дальнѣйшаго поправленія здоровья въ Финляндію, гдѣ онъ пробылъ еще около мѣсяца. По окончательномъ возвращеніи въ Петербургъ, во второй половинѣ іюля, онъ помѣстился на сосѣдней съ нами большой Шуваловской дачѣ, которую я для него нанялъ, во время его отсутствія. Его здоровье къ этому времени значительно поправилось, но все же онъ не полагалъ возможнымъ оставаться Министромъ Финансовъ, и потому теперь сталъ возникать вопросъ о его преемникѣ. Уже стали поговаривать о С. Ю. Витте. Повидимому, задолго до того, Иванъ Алексѣевичъ, который былъ особенно высокаго мнѣнія о талантахъ Сергѣя Юльевича, съ которымъ онъ прежде служилъ въ обществѣ Юго-Западныхъ желѣзныхъ дорогъ, указывалъ Государю на Витте какъ на естественнаго себѣ преемника. При такихъ условіяхъ, хотя я и управлялъ уже министерствомъ пять мѣсяцевъ, я не могъ рассчитывать на назначеніе мое Министромъ Финансовъ. Однажды возвращаясь съ доклада у Государя вмѣстѣ съ Сергѣемъ Юльевичемъ, я прямо его спросилъ „когда состоится ваше назначеніе“—но онъ отвѣтилъ мнѣ „даю вамъ слово, что до сихъ поръ никто не предлагалъ мнѣ этого поста“.

Неопредѣленность положенія меня, разумѣется, не мало беспокоила; кто будетъ окончательно назначенъ, какъ устроится мое положеніе—эти вопросы не могли оставлять меня безучастнымъ.

Иванъ Алексѣевичъ представлялся по возвращеніи Государю; вернувшись отъ Государя, онъ говорилъ со мною очень сдержанно о томъ, какъ его принялъ Государь—такъ что я чувствовалъ себя даже нѣсколько обиженнымъ такою сдержанностью. Но вотъ дня два спустя (9 августа) онъ зашелъ ко мнѣ на дачу и обстоятельно сообщилъ мнѣ весь разговоръ, происходившій у него съ Государемъ.

Оказалось, что Государь очень сочувственно къ нему отнесся, явно интересовался состояніемъ его здоровья и высказывалъ глубокое сожалѣніе о томъ, что онъ принужденъ оставить Министерство Финансовъ. Тронутый такимъ приѣмомъ, Вышнеградскій заявилъ Государю, что онъ могъ бы остаться еще нѣкоторое время Министромъ Финансовъ, если бы сократить кругъ дѣятельности Министерства. Въ этихъ видахъ онъ предложилъ передать торговую и таможенную части въ Министерство Путей Сообщенія, С. Ю. Витте, съ образованіемъ, какъ за границею, Ministère de Commerce et des

Voies de Communication. Государь на это согласился и теперь предстояло приняться немедленно за работу раздѣленія Министерствъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Иванъ Алексѣевичъ мнѣ признался откровенно, что хотя въ прежнее время онъ и рекомендовалъ Сергѣя Юльевича Государю въ качествѣ будущаго Министра Финансовъ, но что теперь онъ начинаетъ нѣсколько сомнѣваться въ цѣлесообразности подобнаго назначенія, потому что онъ начинаетъ опасаться, что Витте будетъ слишкомъ широко и неосторожно пользоваться кредитомъ; по его мнѣнію онъ будетъ очень хорошимъ Министромъ Торговли,—но Министерство Финансовъ онъ бы считалъ благоразумнѣе впоследствии передать мнѣ, какъ человѣку болѣе осторожному. Министромъ онъ предполагалъ, въ виду своего разстроеннаго здоровья, оставаться недолго, какой-нибудь годъ, и затѣмъ онъ намѣренъ былъ предложить Государю назначить меня Министромъ Финансовъ, послѣ него.

Казалось, что все устраивалось для меня превосходно, а между тѣмъ вышло совсѣмъ другое.

Мы немедленно принялись съ нимъ за составленіе Всеподданнѣйшаго доклада о преобразованіи Министерства Путей Сообщенія въ Министерство Путей Сообщенія и Торговли, я по этому поводу говоривалъ съ Витте относительно передачи ему Департаментовъ Торговли и Таможеннаго. Казалось, состоялось окончательное соглашеніе, хотя, повидимому, новый планъ и не былъ по сердцу Сергѣю Юльевичу.

14-го августа И. А. Вышнеградскій повезъ Государю Всеподданнѣйшій докладъ, а я поѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ въ Петербургъ съ обыкновенными докладными бумагами по Министерству Финансовъ. Когда о нашемъ пріѣздѣ было доложено Государю, то онъ велѣлъ просить къ себѣ Вышнеградскаго; мнѣ же было приказано оставить мои бумаги Государю, такъ какъ онъ въ это время меня принять не можетъ. Я запечаталъ мои докладныя бумаги и передалъ пакетъ камеръ-лакею для доставленія его Государю.

Затѣмъ я поѣхалъ въ приготовленное для меня помѣщеніе, чтобы тамъ позавтракать и ожидать Ивана Алексѣевича. Я полагалъ, что послѣ пріема у Государя, и онъ пріѣдетъ туда завтракать, и мы вмѣстѣ отправимся въ Петербургъ. Но время проходило, а онъ не пріѣзжалъ. Наконецъ на мой запросъ по телефону, мнѣ отвѣтили, что Вышнеградскій уже уѣхалъ въ Петербургъ прямо съ доклада. Это меня крайне удивило и сейчасъ заставило предполагать, что случилось что-то неожиданное. Я немедленно потребовалъ экипажъ и поѣхалъ на станцію. Въ Петербургѣ, уже на ст. Финляндской жел. дор. я встрѣтилъ Вышнеградскаго,—онъ отмалчивался и у него было очень серьезное выраженіе лица. Я былъ въ большомъ

волненіи, но пока ничего не могъ еще узнать, наконецъ, подъѣзжая уже къ Парголову, когда мы оставались въ вагонѣ одни, онъ сообщилъ мнѣ слѣдующее.

Государь ему сказалъ, что онъ очень цѣнитъ ту жертву, которую Вышнеградскій готовъ былъ принести, несмотря на свое разстроенное здоровье,—но что онъ не считаетъ возможнымъ принять такой жертвы, что онъ имѣетъ въ виду назначить Ивана Алексѣевича на другой, болѣе важный постъ, который однако не связанъ съ такою утомительною дѣятельностью, какъ Министерство ¹⁾. Такимъ образомъ весь нашъ проектъ канулъ въ воду, все осталось по-прежнему, и Сергѣю Юльевичу предстояло сдѣлаться Министромъ Финансовъ.

Вотъ что произошло въ теченіе недѣли между 9 и 14 августа. Государь видѣлся съ С. Ю. Витте и М. И. Островскимъ, и оба высказались ему противъ проекта преобразования Министерства Финан-

¹⁾ Имѣлся въ виду постъ предсѣдателя Департамента Экономіи, который оставался вакантнымъ послѣ ухода А. А. Абазы. Но и это предположеніе впоследствии не осуществилось и вотъ при какихъ условіяхъ.

Когда Витте былъ сдѣланъ Министромъ Финансовъ, онъ подъ вліяніемъ профессора Антоновича, котораго онъ даже назначилъ товарищемъ министра—вполнѣ предавался мысли развитія нашей промышленности путемъ усиленія бумажнаго обращенія. Замѣчательно, что государственный человѣкъ, окончательно утвердившій у насъ металлическую монетную единицу, началъ свою дѣятельность *инфляционистомъ*. Во время своей продолжительной карьеры Сергѣй Юльевичъ не разъ мѣнялъ свое убѣжденіе—но это не всегда происходило на почвѣ оппортунизма; нерѣдко, когда онъ убѣждался въ ошибочности своего прежняго мнѣнія, онъ, не стѣсняясь, мѣнялъ его—доктринаризмъ не былъ чертою его характера; какъ человѣкъ умный, онъ, такъ сказать, продолжалъ учиться, такъ и въ данномъ случаѣ, продолжая заниматься этимъ вопросомъ, онъ пришелъ къ убѣжденію, при ближайшемъ ознакомленіи съ вопросомъ о денежномъ обращеніи, что теорія Антоновича ошибочна, и сдѣлался сторонникомъ металлическаго обращенія, а какъ человѣкъ страстный сталъ дѣйствовать въ смыслѣ установленія у насъ денежнаго обращенія съ особенною энергіею, какъ объ этомъ будетъ сказано далѣе.

Но вначалѣ онъ находился вполнѣ подъ вліяніемъ Антоновича. При вступленіи въ Министерство онъ считалъ главною своею задачею—сооруженіе большой Сибирской дороги, потому что послѣ проѣзда Государя Наслѣдника по Сибири, проектъ этотъ сдѣлался у насъ самымъ популярнымъ дѣломъ. Витте составилъ предположеніе строить Сибирскую дорогу на особые бавковые билеты, выпускаемые параллельно съ существовавшимъ у насъ бумажнымъ денежнымъ обращеніемъ. Это предположеніе встрѣтило сильную оппозицію со стороны Н. Х. Вунге и И. А. Вышнеградскаго. Опасаясь, что при такихъ условіяхъ Вышнеградскій, въ качествѣ предсѣдателя Департамента Экономіи, будетъ противиться проведенію его химерическихъ плановъ, онъ уговорилъ Государя оставить прежнее предположеніе и назначить предсѣдателемъ Департамента Экономіи Д. М. Сольскаго.

совъ. Сергѣй Юльевичъ очевидно возражалъ съ своей точки зрѣнія, не желая отказаться отъ Министерства Финансовъ, во главѣ котораго его положеніе должно было быть гораздо болѣе вліятельнымъ, чѣмъ во главѣ вновь создаемаго Министерства Торговли, а М. И. Островскій съ другой стороны высказывалъ Государю, что Вышнеградскій больной человѣкъ и потому долго во главѣ Министерства Финансовъ оставаться не можетъ; благоразумно ли при такихъ условіяхъ производить такую ломку въ нашихъ Государственныхъ учрежденіяхъ, существующихъ столь продолжительное время, только для того, чтобы сохранить Вышнеградскаго какой-либо годъ или другой во главѣ Министерства. Эти два отзыва сильно подѣйствовали на Государя и побудили его отказаться отъ проекта, на который онъ уже изъявилъ свое согласіе, и который, повидимому, былъ такъ близокъ къ осуществленію.

При такихъ обстоятельствахъ мнѣ было особенно желательно выяснить мое будущее положеніе, и я просилъ И. Н. Дурново, который все время высказывалъ мнѣ большое сочувствіе, переговорить объ этомъ съ Государемъ. Оказалось, что Государь не считалъ возможнымъ назначить меня прямо въ Госуд. Совѣтъ, потому что я не былъ еще сенаторомъ, и согласился только, согласно моему желанію, сохранить мнѣ все содержаніе, которое я получалъ какъ Товарищъ Министра.

Параллельно съ этими политико-административными перипетіями, происходилъ рядъ празднествъ по случаю происходившаго около этого времени въ Петербургѣ международнаго конгресса желѣзнодорожныхъ дѣятелей. С. Ю. Витте въ качествѣ Министра Путей Сообщенія давалъ роскошный обѣдъ делегатамъ. Затѣмъ они были приглашены на обѣдъ ко Двору. Обѣдъ происходилъ въ Зимнемъ Дворцѣ, въ одной изъ большихъ залъ. Это былъ такъ называемый обѣдъ за гофмаршалскимъ столомъ, потому члены Царской Фамиліи на немъ не присутствовали. Обѣдъ происходилъ подъ предсѣдательствомъ гофъ-маршала. Блестящая сервировка въ великолѣпномъ залѣ дворца несомнѣнно должна была произвести впечатлѣніе на гостей. Кромѣ того въ честь извѣстнаго эконоста Сэя, находившагося въ числѣ делегатовъ, а также нѣкоторыхъ другихъ экономистовъ былъ устроенъ обѣдъ нашимъ кружкомъ экономистовъ—на подобіе парижскаго *diner des économistes*,—который прошелъ очень оживленно. На всѣхъ этихъ торжествахъ мнѣ пришлось участвовать, хотя безпокойство о будущемъ моемъ положеніи не особенно располагало меня къ веселію.

Наконецъ съ этимъ же временемъ совпало окончаніе постройки желѣзной дороги изъ Выборга на Иматру. На открытіе ея были

приглашены делегаты и нѣкоторые русскіе сановники. Такъ какъ я еще никогда не бывалъ на Иматрѣ, то я рѣшился принять участіе въ этой экскурсіи. Проѣздъ туда и обратно долженъ былъ совершиться въ одинъ день. Мы выѣхали утромъ часовъ въ восемь, въ салонныхъ вагонахъ; пріятно бесѣдуя съ делегатами, мы около полудня прибыли въ Выборгъ, гдѣ происходила краткая остановка и гостямъ былъ сервированъ завтракъ. Затѣмъ мы опять двинулись въ путь и, проѣхавъ по красивой финляндской лѣсистой мѣстности около 3 часовъ, прибыли на Иматру. Отъ станціи до водопада было всего нѣсколько шаговъ, всѣ высыпали изъ вагоновъ и бросились къ водопаду. Иматра, въ сущности, не водопадъ, а рядъ пологихъ пороговъ, по которымъ рѣка Вуокса течетъ съ удивительною стремительностью; все это пространство воды кипитъ какъ въ котлѣ. При суровой обстановкѣ финляндскаго скалистаго пейзажа—это представляетъ дикую, но эффектную картину.

Насмотрѣвшись на водопадъ, мы отправились въ лежащую у водопада гостиницу, гдѣ насъ ожидалъ обѣдъ, послѣ котораго, взглянувъ еще на водопадъ, мы въ восьмомъ часу сѣли въ наши вагоны и вечеромъ уже были въ Петербургѣ.

Послѣдніе дни августа представляли въ административныхъ сферахъ какую-то особенную суматоху. Въ началѣ сентября Государь долженъ былъ ѣхать на маневры, и къ тому времени вопросъ о министерствахъ долженъ былъ быть рѣшенъ, а между тѣмъ не оказывалось подходящаго кандидата на мѣсто Министра Путей Сообщенія, которое становилось вакантнымъ съ назначеніемъ Витте Министромъ Финансовъ. Дѣло все тянулось и тянулось до самаго отъѣзда Государя.

Не желая оставлять министерство, какъ простой чиновникъ, я воспользовался отсрочкою выхода указа о назначеніи Витте Министромъ Финансовъ, чтобы послать Государю послѣдній мой докладъ въ качествѣ Управляющаго Министерствомъ, приложивъ къ нему обстоятельную записку о нашемъ финансовомъ положеніи вообще, которую я предварительно прочиталъ Вышнеградскому. Государь передалъ эту записку Витте, послѣ назначенія Министромъ Фин.— и вполнѣдствіи Витте какъ-то ссылается въ Государственномъ Совѣтѣ на нѣкоторыя мѣста моей записки.

Наконецъ въ послѣднія минуты на постъ Министра Путей Сообщенія остановились на совершенно неподходящемъ кандидатѣ, помѣщикѣ одной изъ южныхъ губерній Кривошеинѣ, который приобрѣлъ нѣкоторую извѣстность какъ земскій дѣятель и какъ устроитель пароходнаго сообщенія на какой-то рѣкѣ. Кривошеинѣ, впрочемъ, не пользовался особенно хорошей репутаціей,—назначеніе его оказалось

неособенно удачнымъ, оставался Министромъ недолго и былъ замѣненъ княземъ М. И. Хилковымъ.

Едва ли не въ послѣдній день передъ отъѣздомъ Государя вышелъ указъ о назначеніи новыхъ министровъ, обо мнѣ же ничего не было сказано, хотя, какъ мнѣ было извѣстно, мое назначеніе въ сенаторы на словахъ было рѣшено Государемъ. Сознаюсь, что такое невниманіе меня нѣсколько обидѣло. При довольно трудныхъ обстоятельствахъ я пять мѣсяцевъ управлялъ Министерствомъ Финансовъ, и въ тотъ моментъ, когда во мнѣ уже не настояло надобности, какъ бы забыли о моемъ существованіи. Новые министры назначены, Государь уѣхалъ, а я пока оставался Товарищемъ Министра.

Желая поскорѣе высвободиться изъ всѣхъ этихъ непріятныхъ отношеній, я обратился къ Витте съ формальнымъ ходатайствомъ о разрѣшеніи мнѣ отпуска, имѣя необходимость отправиться въ Крымъ. Сергѣй Юльевичъ прислалъ ко мнѣ спросить, когда я его могу принять на слѣдующій день. Въ условленное время онъ пріѣхалъ ко мнѣ, чтобы сообщить, что мое назначеніе въ сенаторы состоитъ на дняхъ, и что о моемъ отпускѣ онъ уже послалъ всеподданнѣйшій докладъ Государю. Два дня спустя я получилъ отъ него извѣщеніе, что мой отпускъ разрѣшенъ, и немедленно, въ первыхъ числахъ сентября отправился въ Ялту, гдѣ я вслѣдъ за тѣмъ получилъ извѣщеніе о моемъ назначеніи сенаторомъ.

Ко всей этой неурядицѣ и суматохѣ, ко всѣмъ интригамъ разыгравшимся за это послѣднее время, присоединилась еще одна совершенно своеобразная интрига, о которой остается сказать нѣсколько словъ.

Въ Парижѣ и Брюсселѣ вдругъ появились ѣдкіе памфлеты противъ Вышнеградскаго и Витте, частью въ видѣ брошюръ за подписью Ціона, частью въ видѣ статей въ извѣстной Revue, издаваемой M-me Juliette Adam.

Докторъ Ціонъ, бывшій профессоръ въ медико-хирургической академіи, послѣ оставленія профессуры, поселился въ Парижѣ. Человѣкъ умный и предприимчивый, онъ сталъ вращаться въ Парижѣ въ финансовыхъ и биржевыхъ сферахъ, занимаясь вѣроятно разными денежными дѣлами. Во время своей ученой службы въ Петербургѣ, онъ, кажется, былъ знакомъ съ Иваномъ Алексѣевичемъ Вышнеградскимъ. Есть поводъ предполагать, что послѣ назначенія своего министромъ, Вышнеградскій, который съ самаго начала помышлялъ о томъ, какъ бы воспользоваться парижскимъ рынкомъ, для размѣщенія на немъ русскихъ государственныхъ бумагъ, поручалъ конфиденціально Ціону посондировать при его

сношеніяхъ съ французскими банкирами почву въ этомъ отношеніи. Не знаю почему, но вѣроятно Ціонъ дѣйствовалъ не съ достаточнымъ тактомъ или не хотѣлъ подчиняться указаніямъ Вышнеградскаго—но дѣло въ томъ, что Вышнеградскій, повидимому, прекратилъ съ нимъ всякія сношенія и устранилъ его совершенно отъ дальнѣйшихъ сношеній министерства съ французскими банкирами.

Ціонъ очень обидѣлся, онъ не могъ простить этого Вышнеградскому и сдѣлался его открытымъ врагомъ. Удивительно только, что онъ началъ борьбу противъ него въ такой моментъ, когда Вышнеградскій уже оставлялъ министерство и потому уже никакого вліянія на дѣла не могъ имѣть. Но тутъ примѣшивалась вѣроятно еще другая цѣль. Назначеніе Витте на мѣсто Министра Финансовъ вызывало съ разныхъ сторонъ сильное неудовольствіе. Такъ какъ Витте считался ставленникомъ Вышнеградскаго, то вѣроятно полагали, что, дискредитируя Вышнеградскаго, тѣмъ самымъ дискредитуется и Витте. Впослѣдствіи Ціонъ сталъ впрочемъ прямо нападать на Витте, совершенно не уставая въ своихъ нападкахъ на него, постоянно клеймя его названіемъ „временщика“. Еще въ 1890 г. въ Лейпцигѣ вышла брошюра на русскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ „Куда временщикъ Витте ведетъ Россію“, въ которой онъ тенденціозно доказывалъ, что всѣ наши бюджеты за послѣднія десять лѣтъ заканчивались громадными дефицитами, что дефициты эти покрывались займами, что недоимки въ окладныхъ сборахъ постоянно росли, что выкупъ желѣзныхъ дорогъ въ казну имѣлъ пагубныя послѣдствія и т. д. — если уже критиковать управленіе Витте, то очевидно слѣдовало подступать къ нему не съ этой стороны.

4-го сентября, я къ великому моему удовольствію могъ наконецъ выѣхать изъ Петербурга. Случайно я вспомнилъ, что пять лѣтъ тому назадъ именно въ этотъ день я съ Д. М. Сольскимъ, И. А. Вышнеградскимъ и А. В. Цимсеномъ отправлялся въ Царское Село на засѣданіе къ М. Х. Рейтерну, для обсужденія подготовительныхъ мѣръ къ возстановленію у насъ денежнаго обращенія. Изъ этихъ лицъ двоихъ уже не было въ живыхъ, а третій, И. А. Вышнеградскій, вслѣдствіе своей болѣзни уже вышелъ изъ ряда дѣятелей, — новый министръ финансовъ начиналъ свою дѣятельность инфляціонистомъ, казалось, самое дѣло погибло. Совершилось же непредвидѣнное, дѣло было приведено къ осуществленію именно новымъ министромъ.

Въ Ялтѣ я засталъ И. Н. Дурново, который тамъ находился съ своею дочерью, нынѣ покойною г-жею Сянельниковою. Мы съ нимъ часто видѣлись, и онъ мнѣ въ это время оказывалъ очень дели-

катное вниманіе. Я не могъ не оцѣнить такого его обращенія ко мнѣ именно потому, что въ моемъ оффиціальному положеніи произошелъ неблагопріятный для меня переворотъ. Послѣ вліятельнаго положенія управляющаго министерствомъ финансовъ я перешелъ на скромное положеніе будущаго сенатора. При такихъ условіяхъ прежніе пріятели нерѣдко сторонятся отъ васъ,—а И. Н., напротивъ того, особенно любезнымъ обращеніемъ со мною, старался показать мнѣ, что наши личныя отношенія съ перемѣной моего оффиціальнаго положенія нисколько не измѣнились.

Постройка нашего дома въ Ялтѣ приходила къ окончанію. Домъ построенъ въ арабскомъ стилѣ; надъ входомъ въ домъ, съ сада, помѣщена надпись изъ Св. Писанія въ изрѣчкахъ „не пецытеса убо на утро — яко Богъ печетса о васъ“. Меня при поѣздкахъ за границу всегда поражалъ существующій тамъ обычай, особенно въ горныхъ мѣстностяхъ Австріи, украшать постройки не только крестьянскихъ домовъ, но и элегантныхъ дачъ, помѣщаемыми на стѣнѣ, надъ входомъ, надписями — заимствованными или изъ Св. Писанія или изъ сокровища народныхъ поговорокъ. Мнѣ этотъ обычай очень понравился и потому, когда я сталъ строить дачу въ Ялтѣ, я рѣшился сдѣлать и у себя подобную надпись. Самый же текстъ ¹⁾ я выбралъ потому, что во время постройки у меня было не мало заботъ и непріятностей,—были даже моменты, когда я сожалѣлъ, что рѣшился вообще строить; все это миновало, и постройка приходила къ концу, и потому это изреченіе, что не слѣдуетъ заботиться о завтрашнемъ днѣ, мнѣ казалось наиболее подходящимъ въ данномъ случаѣ. Теперь же оказывалось, что я переѣзжаю въ новый домъ именно въ моментъ существенной перемѣны въ моей служебной судьбѣ — такъ что это изреченіе могло служить какъ бы увѣщаніемъ, вообще по отношенію къ моей будущей жизни. День помѣщенія этой надписи въ стѣпу совпалъ случайно со днемъ моего рожденія, 12 октября; это мнѣ представлялось хорошимъ предзнаменованіемъ. 7-го ноября мы окончательно переѣхали въ нашъ домъ — до сихъ поръ я жилъ въ Ялтѣ въ домѣ министерства финансовъ, — такъ что окончаніе постройки вышло очень кстати. 9-го ноября происходило освященіе дома. На немъ присутствовало большое число гостей изъ нашихъ Ялтинскихъ знакомыхъ; для рабочихъ, которые поднесли мнѣ пирогъ въ видѣ „хлѣба и соли“ — былъ устроенъ завтракъ, все обошлось очень удачно. Два дня спустя мы отправились въ Петербургъ.

¹⁾ Матѳ. 6, 34 и I Петр.—5, 7.

Здѣсь меня ожидало очень пріятное извѣстіе; но по этому поводу я долженъ обратиться нѣсколько назадъ.

При посѣщеніи Венеціи, вмѣстѣ со мною моя покойная жена была очарована картиной Тинторетто въ Scuola di San Rosso, изображающей распятіе Спасителя. Послѣ смерти Софіи Александровны у меня явилась мысль помѣстить на ея надгробномъ памятникѣ копію распятія съ этой картины. На слѣдующій годъ я поѣхалъ въ Венецію и заказалъ тамъ мозаичную копію съ распятія на картинѣ Тинторетто. Картина эта очень большая съ массою фигуръ, но я выбралъ изъ нея только средину, представляющую Спасителя на крестѣ, у ногъ Котораго склоняются Божія Матерь и одинъ изъ учениковъ—поэтому необходимо было выкопировать эту средину картины акварелью и уже по этой акварельной копіи составлять мозаику. Мозаичное воспроизведеніе картины вышло очень художественно. По прибытіи въ Петербургъ, я распорядился немедленно помѣстить ее на мраморный памятникъ покойной жены. Вскорѣ послѣ того, будучи за границей, я получилъ непріятное извѣстіе, что мозаику выломали и украли изъ памятника. Несмотря на всѣ поиски полиціи похититель не былъ открытъ, мозаика окончательно пропала.

Съ тѣхъ поръ прошло болѣе пятнадцати лѣтъ, и вотъ въ 1891 г. какъ-то разъ ко мнѣ приходитъ П. П. Семеновъ, который видѣлъ въ свое время мозаику и восхищался ею,—и сообщаетъ мнѣ, что въ какой-то закладной кассѣ онъ нашелъ мозаику, которая, какъ ему кажется, именно та, которую у меня похитили. П. П. Семеновъ любитель и коллекціонеръ хорошихъ картинъ и потому посѣщаетъ постоянно разные аукціоны; при такомъ посѣщеніи ссудной кассы, онъ и попалъ случайно на мою мозаику. Онъ любезно согласился принять на себя всѣ переговоры по этому случаю.

И вотъ въ первый же день моего приѣзда въ Петербургъ я отправился къ Петру Петровичу, чтобы узнать, въ какомъ положеніи дѣло; онъ встрѣтилъ меня, съ мозаикой въ рукахъ, словами „это ваша супруга васъ встрѣчаетъ“. Я, разумѣется, былъ очень обрадованъ обратнымъ полученіемъ этого драгоценнаго для меня предмета, который столько лѣтъ пропадалъ. Оказалось, что когда заложившій вещь узналъ, что она краденая, то согласился возвратить ее за ту небольшую сумму, за которую онъ самъ ее купилъ.

Прежняя усиленная ежедневная дѣятельность по Министерству Финансовъ замѣнилась теперь посѣщеніемъ сенатскихъ засѣданій. Я былъ назначенъ въ 1-й Департаментъ; вмѣстѣ со мною засѣдали въ этомъ Департаментѣ А. Д. Шумахеръ, какъ первоприсутствующій, его замѣнилъ въ этомъ положеніи послѣ его смерти В. А. Арцымовичъ, затѣмъ членами были князь Гр. С. Голицынъ, Э. Я.

Фуксъ, Н. В. Шидловскій, Дѣмбовецкій, графъ Капнистъ, назначенный потомъ посломъ въ Вѣну, графъ Кутайсовъ, Орловъ и Оржевскій. Съ дѣятельностью Сената я уже былъ знакомъ, потому что въ качествѣ товарища министра финансовъ мнѣ приходилось посѣщать сенатскія засѣданія. Несмотря на то, что значеніе Сената было очень ослаблено его зависимостью отъ Министерства Юстиціи и отношеніемъ къ нему другихъ министровъ, которые иногда по цѣлымъ годамъ не отвѣчали на запросы Сената, если дѣло было для нихъ непріятно,—я все же могъ убѣдиться во время моего пребыванія въ Сенатѣ, что это было единственное учрежденіе, которое дѣйствительно стояло на стражѣ закона и представляло нѣкоторую гарантію противъ произвола губернаторовъ и другихъ бюрократическихъ учреждений. Первый Департаментъ былъ преимущественно занятъ жалобами частныхъ лицъ на противозаконныя дѣйствія властей и обыкновенно не стѣснялся въ отмѣнѣ постановленій, которыя казались ему несогласными съ закономъ, и въ привлеченіи даже виновныхъ къ денежной отвѣтственности. А это было время ратованія въ правительственныхъ кругахъ за усиленіе губернаторской власти; многіе губернаторы явно не подчинялись закону и такихъ энергическихъ губернаторовъ какъ-то особенно цѣнили. Рассказывали про одного губернатора, которому его секретарь докладывавалъ, что имѣвшееся въ виду распоряженіе несогласно съ закономъ,—что онъ взялъ соотвѣтствующій томъ свода законовъ, положилъ его на стулъ, сѣлъ на него и затѣмъ обратился къ своему секретарю съ вопросомъ „а гдѣ теперь вашъ законъ“. Былъ даже случай во время моего пребыванія въ Сенатѣ, когда по одному дѣлу по Высочайшему повелѣнію 1-му Департаменту было предписано пересмотрѣть и перерѣшить свое рѣшеніе.

Это Высочайшее повелѣніе было вызвано всеподданнѣйшимъ докладомъ Витте. Замѣчательно, что Сергій Юльевичъ, который въ началѣ своего министерства относился явно невнимательно и къ Сенату и къ Государственному Совѣту, нерѣдко, обходя эти учрежденія по дѣламъ, подлежащимъ ихъ компетенціи Всеподданнѣйшими докладами, вскорѣ однако понялъ, что ему, напротивъ того, выгодно опираться на авторитетъ этихъ высокихъ учреждений, совершенно перемѣнилъ свои къ нимъ отношенія и сталъ къ нимъ въ совершенно корректныя и почтительныя отношенія до того, что даже въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда ему приходилось еще почему-либо рѣшать данное дѣло Всеподданнѣйшимъ докладомъ, онъ самъ объ этомъ докладывавалъ Государственному Совѣту, какъ бы извиняясь и объясняя причины, почему онъ принужденъ былъ такъ поступить.

Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ я въ свободное время продолжалъ заниматься религіозными вопросами. Послѣдняя моя работа была „объясненіе на Посланіе къ Филиппійцамъ“. Подобно тому какъ изъ Евангелія я выбралъ Евангеліе отъ Іоанна, потому что оно меня особенно затрогивало, я изъ Апостольскихъ Посланій остановился на Посланіи къ Филиппійцамъ, потому что я въ нихъ находилъ мѣста, мнѣ особенно сочувственныя, какъ напр. стихи „будучи увѣренъ въ томъ, что начавшій въ васъ доброе дѣло, будетъ совершать его даже до дня Іисуса Христа“ (1,6) или „и миръ Божій, который превыше всякаго ума, соблюдетъ сердца ваши и помышленія ваши во Христѣ Іисусѣ“ (4,7). Работа эта печаталась послѣдовательно отдѣльными статьями въ журналѣ „Вѣра и Разумъ“ и по окончаніи ея въ этомъ году вышла отдѣльной книгой. Такимъ образомъ, одновременно съ окончаніемъ моихъ занятій по министерству финансовъ, заканчивалась и эта моя работа, которою я занимался нѣсколько лѣтъ. Съ окончаніемъ продолжительной работы всегда соединено нѣкоторое чувство сожалѣнія. Я нахожу, что Шиллеръ совершенно правъ, говоря „Der Abschied von einer laugen und wichtigen Arbeit ist immer mehr traurig als erfreulich. Das ausgespannte Gemüth sinkt zu schnell zusammen und die Kraft kann sich nicht sogleich zu einem neuen Gegenstande wenden“. (Brief Schiller's an Goethe 27 Jan. 1796).

Не довольствуясь Сенатскими засѣданіями, я сталъ потому соображать, какую бы еще заняться работой, и остановился на мысли предпринять трудъ по крестьянскому вопросу. Я сталъ собирать необходимый матеріалъ и приступилъ къ работѣ въ деревнѣ уже слѣдующимъ лѣтомъ. Занятія этимъ вопросомъ продолжались у меня около двѣнадцати лѣтъ. Моя работа появлялась сначала отдѣльными статьями въ журналѣ „Вѣстникъ Европы“, а затѣмъ вышла отдѣльными томами, подъ заглавіемъ „Государство и Земледѣліе“.

До сихъ поръ вышло два тома, а затѣмъ, въ 1905 году, предстоитъ еще издать послѣдній третій томъ. Сочиненіе мое обратило на себя нѣкоторое вниманіе въ компетентныхъ сферахъ, и мнѣ было очень пріятно, что по случаю моего 50-ти лѣтняго юбилея, даже въ рескриптѣ Государя было упомянуто о моемъ основательномъ знакомствѣ съ крестьянскимъ вопросомъ.

Въ началѣ декабря я представлялся Государю, онъ принималъ меня въ той же комнатѣ, въ которой я такъ часто бывалъ у него съ докладомъ....

1893.

Въ послѣдніе годы я проводилъ лѣто обыкновенно на дачѣ въ окрестностяхъ Петербурга. Теперь же, пользуясь лѣтнимъ вакантомъ, я рѣшился отправиться на лѣто къ себѣ въ деревню Захонье. Такъ какъ мы нѣсколько лѣтъ тамъ не жили, то пришлось привести усадьбу въ порядокъ, возобновить постройки, расчистить садъ и т. д. Пребываніе въ деревнѣ было очень пріятно—деревенская природа, широкій просторъ, хорошія отношенія къ сосѣднимъ крестьянамъ, прогулки въ лѣсъ—все это имѣло свою прелесть, послѣ дачной жизни. Кромѣ того къ намъ пріѣзжали постоянно друзья и знакомые изъ Петербурга, между прочимъ насъ посѣтилъ протоіерей Лебедевъ, съ которымъ я былъ въ дружественныхъ отношеніяхъ, и о которомъ была рѣчь выше. Мы съ нимъ гуляли, бесѣдуя во время прогулокъ объ интересующихъ насъ предметахъ, затѣмъ онъ мнѣ читалъ свои работы. Такимъ образомъ пребываніе въ деревнѣ прошло очень быстро, и я не могъ не сожалѣть, когда пришлось уѣзжать изъ Захонья. Осень мы провели какъ обыкновенно въ Ялтѣ. Въ этомъ году мы тамъ часто видѣлись съ графиней А. А. Толстой, она жила въ Ливадіи вмѣстѣ съ сестрой. Ея сестра лѣтомъ опасно заболѣла, и ей пришлось дѣлать ампутацію ноги,—я удивился, съ какою силою духа графиня Александра Андреевна переносила эти тяжелыя минуты.

Въ день нашего отъѣзда изъ Ялты стоялъ до того сильный туманъ, что пароходъ изъ Θεодосіи не могъ пристать къ молу. Вся мѣстность была укутана какою-то бѣлесоватою мглой, такъ что въ нѣсколькихъ шагахъ разстоянія нельзя было различить предметы. Пароходъ, отыскивая молъ, нѣсколько разъ проходилъ взадъ и впередъ мимо нашего сада, мы слышали вблизи его свистки, но парохода нельзя было разглядѣть. Ему удалось дойти до мола, только когда ему навстрѣчу былъ посланъ маленькій портовый пароходъ. Такимъ образомъ вмѣсто 10 часовъ утра мы отправились изъ Ялты только около половины второго часа. На морѣ все еще лежалъ туманъ настолько сильный, что только на близкомъ разстояніи можно было разубнавать предметы. Опасность для насъ была столкнуться въ туманѣ съ другимъ судномъ, и потому мы шли очень медленно, пароходъ при томъ постоянно давалъ свистки изъ сирены. Разъ совершенно близко мимо насъ прошло парусное судно—оно вдругъ появилось изъ тумана передъ нами и также быстро опять исчезло въ туманѣ—это было какъ какое-то привидѣніе.

Это единственный разъ, что мнѣ пришлось быть на морѣ въ

такой туманъ; подобный переѣздъ имѣетъ своего рода интересъ, потому что пассажиры все время находятся въ какомъ-то возбужденномъ состояніи. Капитанъ не сходилъ съ мостика, а когда мы увидѣли наконецъ Севастопольскіе форты, то видно было, какъ онъ вздохнулъ съ особеннымъ чувствомъ удовольвенія—въ чертахъ его лица можно было прочесть, что опасность миновала, и мы достигли цѣли.

По возвращеніи въ Петербургъ я узналъ о смерти англійскаго посла въ Петербургѣ, Морьера. Я его хорошо зналъ и часто съ нимъ бесѣдовалъ о дѣлахъ. Замѣчательно, какъ онъ смотрѣлъ на дипломатическія отношенія. Онъ говорилъ мнѣ, что онъ не придаетъ никакого серьезнаго значенія дипломатическимъ соглашеніямъ; единственно, что по его словамъ дѣйствительно реально связываетъ двѣ страны—это общность экономическихъ интересовъ. Замѣчательное сужденіе въ глазахъ посла. Онъ былъ другомъ Россіи и прилагалъ всѣ старанія къ установленію добрыхъ отношеній между Россіей и Англіей—поэтому я искренне сожалѣлъ о его кончинѣ.

1894.

Въ началѣ этого года Государь видѣлся за границей съ Бисмаркомъ и имѣлъ съ нимъ продолжительный разговоръ, который окончился примиреніемъ между ними. Направленный противъ Россіи австро-прусскій договоръ и послѣдовавшее затѣмъ гоненіе на наши бумаги, возбужденное Бисмаркомъ на берлинской биржѣ—вызвало сильное негодованіе Государя противъ него. Бисмаркъ, повидимому, совершенно откровенно изложилъ Государю свою политику. Въ видахъ огражденія интересовъ своего отечества и устраненія опасныхъ complicаций, которыя могли произойти между двумя государствами, какъ послѣдствія самолюбивыхъ дѣйствій князя Горчакова и похода русской журналистики противъ Пруссіи вслѣдъ за заключеніемъ Берлинскаго трактата—онъ былъ принужденъ прибѣгнуть къ вышеуказаннымъ мѣрамъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ старался убѣдить Государя въ своемъ неизмѣнномъ дружественномъ расположеніи къ Россіи, несмотря на всѣ временныя политическія несогласія. Государь, повидимому, призналъ справедливость и искренность его словъ. Когда Бисмаркъ сталъ затѣмъ развивать дальнѣйшіе виды на свою будущую политику, Государь спросилъ его—увѣренъ ли онъ въ томъ, что онъ еще долго останется у кормила правленія, и убѣжденъ ли онъ въ твердости своего положенія. Удивленный этимъ вопросомъ, Бисмаркъ, повидимому, никакихъ сомнѣній по этому поводу не

заявилъ—а не прошло и года, какъ онъ былъ внезапно уволенъ самымъ рѣзкимъ образомъ.

Было ли въ словахъ Государя случайное предчувствіе, или имѣлись уже тогда при берлинскомъ дворѣ нѣкоторые признаки, которые давали ему поводъ предполагать, что положеніе Бисмарка поколеблено, признаки, о которыхъ самъ Бисмаркъ не имѣлъ тогда еще никакого понятія—сказать трудно, но вѣроятнѣе послѣднее предположеніе.

Въ концѣ января скончался сенаторъ Ө. М. Дмитріевъ. Это былъ одинъ изъ самыхъ остроумныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ умныхъ людей, которыхъ я зналъ. Онъ былъ очень близокъ къ покойной Великой Княгинѣ Еленѣ Павловнѣ, которая вообще имѣла способность группировать около себя выдающихся личностей, а послѣ ея смерти онъ оставался въ такихъ же отношеніяхъ къ Михайловскому дворцу.

Три мѣсяца послѣ него скончалась владѣтельница Михайловскаго Дворца Вел. Кн. Екатерина Михайловна. Я ее помнилъ еще молодою женщиною; затѣмъ послѣ смерти ея матери, я долгое время находился съ ней въ постоянныхъ сношеніяхъ по Клиническому Институту, о которомъ была рѣчь выше; въ послѣдній разъ я ее видѣлъ въ мартѣ, когда я обѣдалъ у нея. На другой день послѣ ея кончины, 2-го мая, я отправился въ Михайловскій Дворецъ, чтобы проститься съ останками усопшей; я пріѣхалъ случайно во дворецъ ровно во время положенія ея во гробъ. Я зашелъ въ ея спальню, она лежала еще на кровати, на которой скончалась. Выраженіе лица ея было спокойное и привѣтливо-доброе, какимъ оно было всегда при ея жизни. Я присутствовалъ при положеніи ея во гробъ, и несъ его вмѣстѣ съ ея сыновьями и нѣсколькими приближенными лицами, при перемѣщеніи его изъ ея спальни въ зало, гдѣ онъ былъ установленъ на приготовленномъ катафалкѣ.

Нѣсколько времени спустя, при открытіи ея духовнаго завѣщанія оказалось, какъ я уже выше рассказывалъ, что въ числѣ другихъ лицъ она упомянула и обо мнѣ, оставивъ мнѣ на память картину Бакгуйзена. Повторяю, что мнѣ было очень отрадно, что покойная, передъ смертью, вспомнила обо мнѣ и о долговременныхъ нашихъ сношеніяхъ.

Лѣтомъ во время нашего пребыванія въ деревнѣ, туда прибыли два молодые офицера военной академіи, Коцебу—сынъ нашего посланника въ Штутгартъ и Усовъ, сынъ моего бывшего профессора сельскаго хозяйства въ Университетѣ. Послѣ экзамена въ академіи они были командированы для производства опытныхъ съемокъ. Они поселились въ деревнѣ у крестьянъ и собирались

сдѣлать намъ визитъ. Они еще не успѣли побывать у насъ, когда, кажется на слѣдующій день мнѣ пришли сказать, что Коцебу сломалъ себѣ ногу и въ такомъ положеніи лежитъ въ избѣ у крестьянина, въ которой онъ поселился. Оказалось, что онъ поѣхалъ на крестьянской одноколкѣ въ поле, лошадь понесла, и онъ какъ-то ногою попалъ въ колесо, такъ что переломъ представлялся очень серьезнымъ. Я немедленно отправился навѣстить его и принять необходимыя мѣры для оказанія ему медицинской помощи. У больного я засталъ его товарища Усова, и мы рѣшили немедленно послать въ Исковъ за докторомъ — а фельдшера послать въ аптеку за хлороформомъ. Прежде всего нужно было освободить переломанную ногу отъ сапога, и мы съ Усовымъ принялись разрѣзывать сапогъ, что было не совсѣмъ легко, такъ какъ сломанная кость торчала изъ подъ мускуловъ. Наконецъ эта предварительная операція окончилась, и больному стало отъ того нѣсколько легче. Часа черезъ два пріѣхалъ и докторъ; онъ констатировалъ переломъ кости и рѣшилъ приступить къ перевязкѣ, только что привезуть хлороформъ, — потому что приходилось при этомъ вытягивать ногу, чтобы свести оконечности кости, что составляетъ довольно болѣзненную процедуру. Но вотъ мы ждемъ часъ, другой, а нашъ фельдшеръ все еще не пріѣзжаетъ, наконецъ мы рѣшились послать ему на встрѣчу человѣка. Оказалось, что, побывавъ въ аптекѣ, фельдшеръ затѣмъ напился на станціи и, не доѣзжая до деревни, на полѣ расположился отдыхать, гдѣ его и нашелъ нашъ посланный. Наконецъ хлороформъ былъ доставленъ, и забинтованіе ноги состоялось благополучно. На другой день больного отправили съ большою осторожностью на станцію, для перевозки его въ Петербургъ, въ пути его засталъ ассистентъ доктора Вельяминова, посланный изъ Петербурга, по распоряженію родителей Коцебу.

Усовъ же остался у насъ въ Захонѣ продолжать свою работу. При этомъ случился такой курьезъ — снявъ правильно на планъ одно мѣсто, на другой день оказалась какая-то погрѣшность въ планѣ, онъ уже сталъ передѣлывать его, когда случайно выяснилось, что крестьяне, работая въ полѣ, переставили поставленную имъ вѣху, и потому съемка показывалась неправильной, пришлось возвращаться къ прежней работѣ. Такъ какъ за это время Усовъ съ нами очень сошелся, то во всемъ этомъ мы принимали живое участіе и помогали даже ему при восстановленіи плана. Онъ пробылъ у насъ въ деревнѣ нѣсколько недѣль и за это время сдѣлался нашимъ близкимъ знакомымъ; онъ продолжаетъ посѣщать насъ въ Петербургѣ, каждый разъ когда онъ тамъ бываетъ проѣздомъ.

Теперь перехожу къ Ялтѣ и пріѣзду туда Государя. Але-

ксандръ III пріѣхалъ въ Ялту на пароходѣ 21-го сентября, чтобы оттуда ѣхать въ Ливадію. Все Ялтинское общество собралось на пристани встрѣчать Государя, пошелъ и я. Проходя мимо меня, Государь любезно со мною поздоровался и подалъ мнѣ руку—это былъ послѣдній разъ, что я съ нимъ встрѣчался. Затѣмъ я его еще два раза видѣлъ проѣзжавшимъ въ коляскѣ мимо нашего дома.

Болѣзнь Государя все усиливалась, каждый день всѣ съ нетерпѣніемъ и возбужденіемъ ожидали извѣстій изъ Ливадіи о положеніи здоровья больнаго. Къ сожалѣнію, почти постоянно свѣдѣнія были неблагопріятны. Иногда казалось какъ будто является нѣкоторое улучшеніе, но это обыкновенно продолжалось недолго и опять наступали неблагопріятныя извѣстія.

11-го октября въ Ялту прибыла невѣста Наслѣдника, принцесса Алиса. Набережная была украшена флагами и вензелями вдоль всего пути слѣдованія кортежа. Невѣста ѣхала въ открытой коляскѣ, погруженная въ букеты цвѣтовъ, которыми былъ наполненъ экипажъ и изъ которыхъ она сама выдѣляясь, какъ живой цвѣтокъ. Возлѣ нея сидѣлъ Наслѣдникъ, а передъ коляской скакалъ верхомъ татаринъ (мѣстный старшина) въ богатомъ, шитомъ золотомъ, татарскомъ костюмѣ; этотъ татаринъ обыкновенно сопровождаетъ царскіе выѣзды. Вся набережная была наполнена публикой, которая громкими привѣтами встрѣчала молодую царскую невѣсту.

Когда 15-го октября я оставилъ Ялту, то положеніе Государя было уже очень серьезнымъ, но никакъ нельзя было еще ожидать близкой Его кончины. По прибытіи въ Петербургъ на другой же день я узналъ, что 19-го Государь скончался. Я Его зналъ молодымъ человѣкомъ, давая ему уроки, затѣмъ много лѣтъ спустя, видѣлся съ Нимъ почти еженедѣльно въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ на докладахъ, когда я управлялъ министерствомъ финансовъ—и вотъ Его не стало. Я хорошо помнилъ Его открытый и добрый взглядъ, и мнѣ было отраднo, что удалось еще видѣть Его передъ кончиной и пожать Ему руку.

Такимъ образомъ я пережилъ трехъ Императоровъ. При смерти Николая Павловича я состоялъ еще на службѣ въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ; затѣмъ я участвовалъ на коронаціи Александра II-го — а теперь присутствовалъ при кончинѣ Александра III, который 15 годами былъ моложе меня.

Государь скончался, сидя въ креслѣ, обнявъ рукою Императрицу, — нѣсколько времени передъ смертью онъ произнесъ слова: „Я не боюсь умереть“.

Комнату въ Ливадійскомъ дворцѣ, въ которой скончался Государь, я посѣтилъ въ слѣдующемъ году. Мѣсто, на которомъ стояло

зеленое сафьянное кресло, въ которомъ почилъ Государь, отмѣчено крестомъ, помѣщеннымъ въ паркетъ пола — сама комната отличается простотой и меблирована, сколько помню, простою, свѣтлою, ясневою мебелью.

21-го октября, т. е. ровно мѣсяць спустя послѣ прибытія покойнаго Государя въ Ялту, состоялось торжественное засѣданіе въ Сенатѣ по случаю восшествія на престолъ Императора Николая II-го и принесенія ему присяги. Министръ Юстиціи Муравьевъ функционировалъ въ качествѣ генераль-прокурора Сената, сидя за особымъ столомъ. При составленіи журнала возникли сужденія, какъ обозначить будущаго наслѣдника престола. Послѣ выясненія этого важнаго вопроса журналъ былъ подписанъ всѣми сенаторами. Послѣ засѣданія служилась панихида въ Исаакіевскомъ Соборѣ. 22-го было повтореніе панихиды въ Сенатской церкви и въ Исаакіевскомъ Соборѣ. Въ тотъ же день совершилось прибытіе тѣла покойнаго Государя въ Петербургъ, и въ этотъ же день происходилъ переходъ принцессы Алисы въ православіе, съ нареченіемъ Ей имени Александры Ѳеодоровны.

1-го ноября состоялось торжественное перенесеніе тѣла покойнаго Государя изъ Зимняго Дворца въ Соборъ въ крѣпости — при этомъ мнѣ пришлось въ кортежѣ нести Грузинскую корону. Шествіе продолжалось нѣсколько часовъ, послѣ прибытія гроба въ Соборъ, тамъ опять была совершена панихида, — а 7-го ноября состоялось погребеніе Государя.

На другой день, 8-го ноября, скончался Антонъ Григорьевичъ Рубинштейнъ. Антона Григорьевича всѣ такъ любили и почитали, что его кончина ощущалась какъ національное горе, какъ национальная потеря, а кто его лично зналъ, для тѣхъ эта потеря была личнымъ горемъ. 9-го ноября состоялась панихида по немъ въ церкви Михайловскаго Дворца.

Антонъ Григорьевичъ въ послѣднее время много хворалъ, онъ почти ослѣпъ—и несмотря на то, его внезапная смерть явилась для всѣхъ неожиданнымъ печальнымъ событіемъ.

11-го ноября Государь принималъ Сенатъ, при чемъ онъ высказалъ, что всегда желаетъ слышать отъ Сената правду и только правду. 14-го ноября состоялось бракосочетаніе Государя. По случаю этого событія въ обществѣ и народѣ замѣчался большой энтузіазмъ. Къ концу года состоялось увольненіе Кривошеина и назначеніе на его мѣсто князя Хилкова. Мнѣ пріѣхалъ рассказать объ этомъ М. Н. Анненковъ.

1895.

25-го марта скончался И. А. Вишнеградскій. Послѣ перваго припадка своей болѣзни три года тому назадъ, онъ почти совер-

шенно поправился; у него оставалась только нѣкоторая слабость, не было прежней энергіи. За все это время мы съ нимъ часто видѣлись, и наши отношенія стали самыя теплыя. Во время его министерства я съ нимъ былъ также въ хорошихъ, но нѣсколько сухихъ отношеніяхъ,—но послѣ его болѣзни и послѣ моего управленія министерствомъ, мои отношенія къ нему стали прямо дружественныя. Его кончина не могла потому не поразить меня, Кромѣ личнаго чувства, прекращеніе существованія человѣка, съ которымъ долгое время были постоянныя сношенія, а съ Вышнеградскимъ я съ 1887 по 1892 годъ видѣлся почти ежедневно, работая вмѣстѣ,—вызываетъ въ душѣ впечатлѣніе, что извѣстный періодъ собственной жизни съ этимъ приходитъ къ концу, что всегда наводитъ на грустныя мысли о скоротечности земного существованія. За нѣсколько дней до смерти Иванъ Алексѣевичъ поѣхалъ навѣстить кого-то изъ своихъ знакомыхъ, тамъ съ нимъ сдѣлался вторичный ударъ, его съ трудомъ свели по лѣстницѣ и усадили въ экипажъ. По пріѣздѣ домой онъ уже почти не былъ въ состояніи подняться по лѣстницѣ—его уложили въ постель, и онъ скоро совершенно потерялъ сознаніе, въ такомъ положеніи онъ находился нѣсколько дней и 25-го марта скончался, не приходя въ сознаніе—онъ погребенъ въ одной изъ церквей Александро-Невской Лавры.

Въ іюнѣ, возвращаясь изъ деревни въ городъ на сенатское засѣданіе, я на Царскосельской станціи вышелъ изъ вагона, чтобы купить газету. Открывъ „Новое Время“—первое, что я прочелъ, было извѣстіе о смерти предсѣдателя Комитета Министровъ Н. Х. Бунге. Кромѣ легкаго недомоганія—онъ былъ почти совершенно здоровъ, въ полной силѣ и еще не старый человѣкъ, такъ что никакъ нельзя было ожидать его внезапной кончины. Меня это совершенно неожиданное извѣстіе ужасно поразило. Покойный былъ всегда ко мнѣ очень расположенъ, и мнѣ вѣрить не хотѣлось, что я уже никогда не увижу болѣе этого умнаго и добраго человѣка. Въ Петербургѣ я прямо поѣхалъ къ А. Н. Куломзину, который тогда былъ управляющимъ дѣлами Комитета Министровъ, надѣясь узнать отъ него подробности этого печальнаго происшествія. Я засталъ Куломзина глубоко удрученнымъ потерей, какъ онъ выразился, „такого благороднаго начальника и друга, который служилъ ему во всемъ нравственной поддержкой“. Куломзинъ, котораго вызвали по телеграфу, какъ только оказалось, что положеніе Бунге опасно, рассказалъ мнѣ подробности его кончины. Оказывается, что Николай Христіановичъ уже долгое время страдалъ грудью, но по видимому, полагалъ, что это недомоганіе никакой опасности не представляетъ,—въ этотъ роковой день у него вдругъ сдѣлался

припадокъ, кажется удушья,—вѣроятно, это было нѣчто вродѣ грудной жабы. Николай Христіановичъ немедленно почувствовалъ, что дѣло идетъ къ концу; онъ приказалъ послать за пасторомъ, причемъ сказалъ: „я умереть не боюсь“,—пріобщился Св. Тайнъ и затѣмъ спокойно, съ тѣмъ же спокойствіемъ, которое его всегда отличало въ жизни,—мирно почилъ. Съ его смертью Россія потеряла выдающагося и честнаго государственнаго человѣка, такого дѣятеля, которыхъ у насъ немного; это была потеря не только для его друзей и почитателей, но и для Россіи.

Два дня спустя, когда я собирался возвращаться въ деревню, мнѣ доложили, что ко мнѣ заходилъ С. Ю. Витте и велѣлъ сказать, что онъ желаетъ меня видѣть. Я немедленно отправился къ нему, и онъ сообщилъ мнѣ, что онъ уже давно хлопочетъ о назначеніи меня въ Государственный Совѣтъ, и что ему теперь обѣщано мое назначеніе къ 1-му января. Чтобы еще болѣе обезпечить это назначеніе, онъ намѣренъ доложить Государю о немедленномъ моемъ назначеніи членомъ Комитета Финансовъ. Въ то время въ этомъ Комитетѣ кромѣ Министровъ участвовали только нѣкоторые члены Государственнаго Совѣта и Товарищъ Министра Финансовъ. Въ этомъ званіи и я состоялъ членомъ Комитета Финансовъ, но съ оставленіемъ званія Товарища Министра пересталъ быть и членомъ Комитета Финансовъ. Назначеніе меня вновь членомъ этого Комитета должно было поэтому влечь за собою мое назначеніе въ члены Государственнаго Совѣта.

Я поблагодарилъ Витте за его сообщеніе и прибавилъ при этомъ, что я полагалъ, что онъ не желаетъ моего участія въ финансовыхъ дѣлахъ послѣ того, какъ я высказывалъ ему разныя возраженія на нѣкоторыя стороны его воззрѣній, касательно бумажно-денежнаго обращенія—и что потому мнѣ особенно пріятно слышать отъ него, что именно онъ заботится о моемъ назначеніи въ Государственный Совѣтъ. На это онъ отвѣтилъ мнѣ, что возраженія, вызванныя знаніемъ дѣла и убѣжденіемъ, никогда его не возстаноятъ противъ заявляющаго таковыя. Нѣсколько дней спустя въ деревнѣ я получилъ оффиціальное извѣщеніе о моемъ назначеніи въ члены Комитета Финансовъ.

Витте уже тогда былъ занятъ вопросомъ о возстановленіи металлическаго денежнаго обращенія. Зная, что въ общемъ я раздѣляю эту мысль, хотя въ частностяхъ и могу съ нимъ расходиться,—онъ могъ быть увѣренъ, что съ моей стороны онъ встрѣтитъ поддержку въ проведеніи задуманнаго имъ важнаго дѣла,—и это было вѣроятно однимъ изъ побужденій, заставившихъ его желать моего присутствія въ Комитетѣ Финансовъ и Государственномъ Совѣтѣ.

Послѣ этого разговора съ Сергѣемъ Юльевичемъ я, разумѣется, въ очень хорошемъ расположеніи духа поѣхалъ на желѣзную дорогу. Въ вагонѣ я встрѣтился съ Войневичемъ, который ѣхалъ къ намъ гостить, а на другой день къ намъ пріѣхалъ Лобойковъ. Такимъ образомъ, благодаря, между прочимъ, частому посѣщенію друзей и знакомыхъ изъ Петербурга, пребываніе въ деревнѣ сложилось въ этомъ году очень пріятно. Прогулки, поѣздки верхомъ и въ экипажѣ въ красивыя окрестности Захонья всегда доставляли всѣмъ большое удовольствіе. При этомъ Войневичъ снималъ обыкновенно мѣстные виды. Поѣздки въ экипажѣ предпринимались обыкновенно въ нѣсколько болѣе отдаленную мѣстность, при чемъ обыкновенно брали съ собою самоваръ и разные съѣстные припасы; пріѣхавъ на мѣсто назначенія, тамъ разводили огонь, и все общество располагалось на травѣ пить чай въ веселой бесѣдѣ. Любимою экскурсіею была поѣздка на такъ называемую Низовскую гору. У подошвы этой горы, покрытой лѣсомъ, разстилались красивые зеленые луга, посреди которыхъ извивалась зигзагами рѣчка, серебряной лентой. Не менѣе пріятны были поѣздки на берега сосѣдней рѣки и озера. Кромѣ того любимымъ препровожденіемъ времени была игра въ крокетъ, къ которой мы всѣ очень пристрастились. Я всегда любилъ игру на билліардѣ, а крокетъ это своего рода билліардъ, только на землѣ. Говоря о деревенской жизни, остается еще упомянуть, что не мало удовольствія доставляла намъ жившая у насъ ручная бѣлка. Весело было смотрѣть, какъ выпущенная изъ клѣтки она вбѣгала на самыя верхушки высокихъ березъ, перепрыгивала съ одного дерева на другое и затѣмъ, нагулявшись вдоволь, спокойно возвращалась въ свое жилище.

Осенью мы отправились вмѣсто Крыма за границу. Мнѣ хотѣлось побывать въ Парижѣ, котораго я болѣе 10 лѣтъ не видалъ и показать его моимъ сестрамъ, совершенно его не знавшимъ.

По возвращеніи въ Петербургъ, я нашелъ у себя на столѣ письмо Министра Внутреннихъ Дѣлъ И. Л. Горемыкина, который просилъ моего разрѣшенія перепечатать для членовъ Совѣщанія по крестьянскому дѣлу, устраиваемаго при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, только что появившуюся по этому вопросу въ „Вѣстникѣ Европы“ мою статью. Статья эта была начало моего труда о крестьянскомъ и дворянскомъ землевладѣніи, о которомъ я уже упоминалъ выше, и который впоследствии вышелъ въ двухъ томахъ подъ заглавіемъ „Государство и Землевладѣніе“. Статья эта обратила на себя нѣкоторое вниманіе и мнѣ съ разныхъ сторонъ о ней говорили. Иванъ Логиновичъ вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ моего участія въ разработкѣ этого важнаго вопроса. Черезъ нѣсколько дней я заѣхалъ къ

нему и въ разговорѣ, который у насъ происходилъ по этому поводу, онъ объяснилъ мнѣ, что это дѣло находится еще въ подготовительномъ фазисѣ, но что онъ считаетъ урегулированіе положенія крестьянъ главною своею задачею. И что же, проходили годы его управленія Министерствомъ, и онъ все не приступалъ активно къ этому важному дѣлу. Года два или три спустя, я въ разговорѣ съ нимъ въ Государственномъ Совѣтѣ коснулся этого вопроса, при этомъ онъ подтвердилъ мнѣ, что всѣ его желанія по-прежнему направлены къ разрѣшенію этого важнаго дѣла, но что онъ до сихъ поръ до того отвлекается текущими дѣлами и полицейскими вопросами министерства, что не можетъ посвятить себя этой важной работѣ, но что онъ немедленно примется за него, какъ только ему удастся нѣсколько освободиться отъ другихъ поглощающихъ пока его вниманіе дѣлъ и вопросовъ.. Но осуществить свою повидимому завѣтную мысль ему такъ и не удалось. Немного времени спустя произошло его столкновеніе съ Витте по поводу проекта введенія земскаго положенія въ Западныхъ губерніяхъ и за тѣмъ его увольненіе отъ поста Министра Внутреннихъ Дѣлъ.

Въ настоящее время (1905) онъ назначенъ председателемъ Комиссіи по устройству Крестьянскаго Землевладѣнія, замѣнившей собою Комиссію, состоявшую подъ предсѣдательствомъ Витте, и занимавшейся тѣмъ же вопросомъ—удастся ли ему теперь что-либо существенное по этому важному вопросу—покажетъ будущее.

3-го ноября пушечные выстрѣлы оновѣстили о разрѣшеніи отъ бремени Императрицы. Опять ожиданія появленія наслѣдника не осуществились. Нѣсколько времени спустя пришлось ѣхать въ Царское Село для присутствованія при крещеніи новорожденной, нареченной Ольгой.

Во второй половинѣ декабря ко мнѣ зашелъ С. Ю. Витте, чтобы сообщить мнѣ, что мое назначеніе членомъ Государственнаго Совѣта къ 1-му января уже состоялось, затѣмъ я съ разныхъ сторонъ сталъ уже получать поздравительныя записки, а 31-го, по возвращеніи съ всеюнощной изъ Казанскаго Собора, я получилъ официальное извѣщеніе о моемъ назначеніи.

1896.

Въ началѣ января скончался Страховъ, симпатичный авторъ интересныхъ статей изъ области религіи и философіи. По выходѣ изъ университета я долгое время не принималъ участія въ годовыхъ университетскихъ обѣдахъ, которые устраиваются обыкновенно 8-го февраля, день учрежденія Петербургскаго университета. Но въ этомъ

году, по инициативѣ С. А. Мордвинова и графа К. И. Палена, у насъ состоялся такой обѣдъ, при участіи В. Н. Вешнякова, А. А. Нарышквнн, В. Н. Маркуса, и нѣкоторыхъ другихъ бывшихъ студентовъ нашего выпуска; послѣ обѣда мы, разумѣется, пили брудершафтъ и пѣли студенческія пѣсни. Съ Паленомъ я былъ давно знакомъ, но около этого времени я съ нимъ какъ-то особенно сблизился и познакомился съ его семействомъ. Графъ Паленъ замѣчательно симпатичный человекъ. Истинный аристократъ, онъ держалъ себя чрезвычайно просто,—вмѣстѣ съ тѣмъ благородство и прямота характера и сила убѣжденія высказываются у него во всѣхъ дѣлахъ, въ которыхъ ему приходится принимать участіе. Къ сожалѣнію, послѣ оставленія поста Министра Юстиціи онъ долгое время не принималъ почти никакого участія въ государственныхъ дѣлахъ, живя постоянно въ деревнѣ. Только въ послѣднее время онъ сталъ опять посѣщать засѣданія Государственнаго Совѣта и участвовать въ его сужденіяхъ.

Весною этого года начались сужденія въ Государственномъ Совѣтѣ по вопросу о возстановленіи у насъ металлической денежной единицы.

По этому важному вопросу взгляды членовъ Государственнаго Совѣта распались на два діаметрально противоположныя мнѣнія. Значительная часть членовъ держалась того мнѣнія, что такъ какъ на кредитныхъ билетахъ находится подпись—что Государство обязуется по предъявленію выдавать за нихъ соответствующую сумму серебряной или золотой монетой, то это обязательство, при открытіи размѣна, должно быть исполнено въ точности—несмотря на пріостановку самаго размѣна въ продолженіе многихъ лѣтъ. По мнѣнію этихъ членовъ носителю кредитнаго билета, при открытіи размѣна, должно быть предоставлено право получать за каждый кредитный рубль золотой рубль; такъ какъ въ противномъ случаѣ это было бы неисполненіе принятаго на себя Правительствомъ формальнаго обязательства, и равнялось бы частичному банкротству Государства.

Другіе члены, напротивъ того, полагали, что размѣнъ долженъ быть установленъ на нормѣ дѣйствительно существовавшего въ то время отношенія между цѣнностью кредитныхъ билетовъ и золота, т. е. въ пропорціи 100:150, путемъ соответственнаго возвышенія стоимости существующей золотой монеты, и затѣмъ чеканки новой золотой монеты, съ соответственнымъ уменьшеніемъ содержанія въ ней золотого металла. Послѣднее мнѣніе раздѣлялъ и я.

Какъ было выше указано, вся политика Министерства Финансовъ за послѣднее время была направлена къ тому, чтобы устранить вредное колебаніе въ курсѣ металлической монеты и, дѣйствительно, благодаря принятымъ мѣрамъ, отношеніе золота къ бумагѣ держалось постоянно, съ незначительными колебаніями, въ пропорціи 100:150.

Наши доктринеры, сторонники отвлеченнаго правового воззрѣнія на вопросъ, совершенно упустили изъ вида практическую его постановку. Деньги служатъ не только средствомъ обмѣна предметовъ, но и мѣриломъ цѣнностей. За многія лѣта этимъ мѣриломъ служила у насъ единица бумажнаго рубля. Возвышеніе ея на 50%, даже если бы это оказалось осуществимымъ, произвело бы пертурбацію во всѣхъ экономическихъ отношеніяхъ, пертурбацію, которая привела бы къ ужасному кризису и почти всеобщему раззоренію. Достаточно обратить вниманіе на всѣ долгосрочные займы и особенно на займы землевладѣльцевъ въ земельныхъ банкахъ. Землевладѣльцы занимали кредитные рубли, и вдругъ всѣ ихъ платежи увеличились бы на 50%. Это повлекло бы за собою окончательное раззореніе всего нашего дворянскаго землевладѣнія. Нельзя не припомнить вопли заемщиковъ, такъ называемаго золотого банка, когда курсы стали падать, а между тѣмъ они получали ссуду по курсу золота и потому должны были знать, какія она принимала на себя обязательства; а дѣло дошло до того, что пришлось регулировать ихъ отношенія къ банку при помощи пособія изъ Государственнаго Казначейства. Всѣ же послѣдующіе ипотечные займы были заключены на кредитную валюту. Пострадали бы однако не только долгосрочные должники, но переоцѣнка всѣхъ цѣнностей отозвалась бы крайне вредно на всѣхъ оборотахъ и внесла бы разстройство въ торговлю, промышленность и вообще во всѣ экономическія отношенія. Рѣшиться на такое мѣропріятіе было бы очевидно политическимъ безуміемъ, ставить же вопросъ такъ, какъ его ставили наши доктринеры, что если нельзя возстановить полной цѣнности рубля, то лучше ничего не дѣлать, совершенно не открывать размѣна—значило бы изъ-за чисто отвлеченныхъ правовыхъ соображеній отказываться отъ консолидаціи нашего денежнаго обращенія, т. е. отъ мѣропріятія, которое должно было всѣмъ принести пользу и отъ котораго никто не могъ пострадать, потому что очевидно никто изъ контрагентовъ не рассчитывалъ у насъ на возстановленіе прежней стоимости рубля, какою она была полстолѣтія тому назадъ.

Но и въ чисто правовомъ отношеніи теорію нашихъ доктринеровъ едва ли можно было признать правильною. Наша монетная система по закону была основана на серебрѣ. Единицею цѣнности считался серебряный рубль. Между тѣмъ серебро за это время настолько понизилось въ цѣнѣ, что почти совершенно сравнялось со стоимостью нашихъ кредитныхъ билетовъ. А потому безъ всякаго нарушенія законныхъ обязательствъ, принятыхъ на себя государствомъ, размѣнъ могъ быть открытъ на серебро, рубль за

рубль. Если уже говорить о девальвации, то надо было признать совершенно естественную и самостоятельную девальвацию серебра; поэтому и съ правовой точки зрѣнія нельзя было говорить о девальвации нашей бумажной валюты, потому что она сохраняла полную свою цѣнность относительно своего законнаго металлическаго основанія, серебра. Что же касается до золота, то оно всегда считалось у насъ дополнительнымъ металломъ и съ самаго начала подвергалось уже измѣненію по отношенію къ законному основному металлу, серебру. Когда въ самомъ началѣ оказалось, что дѣйствительная стоимость золота нѣсколько превышала закономъ установленную,— то стоимость золотой монеты, полумперіала, была увеличена на 15 коп.; разъ такое измѣненіе было допущено, то бѣльшая или меньшая цифра повышенія первоначальной законной стоимости золота, съ абсолютной точки зрѣнія права, уже не составляла существеннаго различія 5 р. 15 к. и 7 р. 50 к. разница только въ размѣрѣ измѣненія, но не въ основномъ началѣ. Вотъ почему и съ чисто правовой точки зрѣнія нельзя было возражать противъ установленія золотой монеты сообразно съ дѣйствительною стоимостью золота въ данный моментъ; это была уже не девальвация, а фиксація существовавшаго много лѣтъ курса.

Противники введенія металлическаго обращенія возражали кромѣ того, что, при нашемъ невыгодномъ международномъ, балансѣ, трудно будетъ сохранить размѣнъ, безъ постояннаго подкрѣпленія нашего металлическаго фонда займами.

Это возраженіе имѣло свое основаніе. Нашъ торговый балансъ стоялъ постоянно въ нашу пользу, но въ виду значительныхъ платежей по заграничнымъ займамъ и другимъ расходамъ правительства, нашъ общій международный балансъ требовалъ постоянно нѣкоторой приплаты. Но нельзя не принять въ соображеніе, что и при бумажномъ обращеніи, приходилось отъ времени до времени поправлять нашъ курсъ займами, потому что нельзя же было допускать безграничнаго паденія вексельнаго курса. Такъ что по существу въ этомъ отношеніи ничего не должно было измѣниться со введеніемъ у насъ золотой монетной единицы, а между тѣмъ непоколебимость денежнаго обращенія на золотомъ основаніи, кромѣ пользы для внутреннихъ оборотовъ, не могла не послужить еще и къ укрѣпленію нашего заграничнаго кредита—какъ это воочию доказали факты послѣдняго времени

Въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій я произнесъ въ этомъ смыслѣ пространную рѣчь, послѣ которой многіе члены Государственнаго Совѣта поздравляли меня съ достигнутымъ успѣхомъ.

Весенняя сессія клонилась къ концу, а приходилось по этому

вопросу говорить еще о многомъ, а потому не было приступлено къ баллотировкѣ: разрѣшеніе этого важнаго вопроса было отложено до осенней сессіи.

Конецъ года я провелъ какъ обыкновенно—частью въ деревнѣ, частью въ Ялтѣ. Изъ деревни я ѣздилъ въ Псковъ, чтобы посмотрѣть на этотъ городъ, мимо котораго я такъ часто проѣзжалъ, никогда не останавливаясь въ немъ. Замѣчательнъ въ Псковѣ его древній соборъ, стоящій на высокомъ берегу рѣки Великой. Видъ съ этого мѣста на все теченіе Великой чрезвычайно живописенъ. Въ соборѣ хранятся разныя историческія достопримѣчательности, между прочимъ мечъ Гедимины.

Сужденія Государственнаго Совѣта о преобразованіи нашего денежнаго обращенія, пріостановленныя весною, все еще не возобновлялись. Министръ Финансовъ, который придавалъ особенную важность этому вопросу, медлилъ приступомъ къ его дальнѣйшему разсмотрѣнію въ Государственномъ Совѣтѣ, потому что ввиду усиленной оппозиціи со стороны противниковъ этой мѣры, онъ опасался, что проектъ можетъ окончательно провалиться. Вотъ почему къ концу года онъ рѣшился предложить на разсмотрѣніе нѣкоторыхъ членовъ Государственнаго Совѣта вопросъ—не слѣдуетъ ли начать съ установленія фиксаціи курса золотой монеты. Высочайшимъ повелѣніемъ, мимо Госуд. Совѣта. Меня объ этомъ предупредилъ М. С. Кахановъ; для обсужденія этого вопроса было назначено частное засѣданіе у В. М. Маркуса, въ которомъ принимали участіе кромѣ хозяина дома и меня, Витте, Кахановъ и Половцевъ. Что касается до меня, то я сомнѣвался въ цѣлесообразности подобнаго поступка, полагая, что можно будетъ достигнуть большинства въ Госуд. Совѣтѣ,—и хотѣлъ говорить въ этомъ смыслѣ. Я нѣсколько опоздалъ и пріѣхалъ на совѣщаніе позже другихъ. Полагая, что у насъ будутъ происходить сужденія по существу вопроса, я былъ очень удивленъ, что мнѣ прямо предъявили на мое разсмотрѣніе проектъ редакціи Всеподданнѣйшаго доклада—повидимому у всѣхъ остальныхъ членовъ никакого сомнѣнія не возникало относительно цѣлесообразности такого образа дѣйствія. При такомъ положеніи дѣла, я (къ сожалѣнію) уже не рѣшился возбуждать моихъ сомнѣній по существу вопроса и ограничился нѣкоторыми замѣчаніями по редакціи доклада. Нѣсколько дней спустя по этому вопросу состоялось совѣщаніе у Д. М. Сольскаго, которому былъ сообщенъ нашъ проектъ, и послѣ обсужденія его было рѣшено испросить у Государя соизволеніе на представленіе этого вопроса на разрѣшеніе Комитета Финансовъ, назначивъ его засѣданіе подъ личнымъ предсѣдательствомъ Государя. Вмѣстѣ съ тѣмъ для установленія нѣко-

торой связи по этому дѣлу съ Государственнымъ Совѣтомъ было признано необходимымъ пригласить къ участию въ этомъ засѣданіи Предсѣдателя Госуд. Совѣта Вел. Кн. Михаила Николаевича и Государственного Секретаря В. К. фонъ-Плеве. При этомъ руководились такою мыслью, что если Предсѣдатель Совѣта и Госуд. Секретарь, какъ естественные представители Государств. Совѣта, не будутъ возражать противъ предложеннаго направленія дѣла, то этимъ какъ бы устранялось всякое сомнѣніе.

1897.

Государь утвердилъ доложенное ему предположеніе, и засѣданіе Комитета Финансовъ, подъ предсѣдательствомъ Государя, въ такомъ составѣ, состоялось въ Царскомъ Селѣ 2-го января 1897 года.

Послѣ продолжительныхъ сужденій въ этомъ засѣданіи была рѣшена фиксація курса золота въ отношеніи 150 къ 100, т. е. полумперіаль былъ фиксированъ въ 7 р. 50 к., а имперіаль въ 15 руб.

Этимъ рѣшалась сущность вопроса, но ея подробности слѣдовало облечь въ форму закона. По этому поводу опять было назначено совѣщаніе у Д. М. Сольскаго; нѣкоторые полагали, что такъ какъ главный вопросъ разрѣшенъ уже окончательно, то и подробностей нечего вносить на утвержденіе Государственного Совѣта; я былъ противнаго мнѣнія и окончательно совѣщаніе согласилось со мною. Министромъ Финансовъ былъ составленъ проектъ подробнаго монетнаго закона и внесенъ на разсмотрѣніе Госуд. Совѣта. Въ средѣ Государственного Совѣта мы подверглись ожесточеннымъ нападкамъ со стороны оппозиціонныхъ членовъ—которые отнеслись совершенно безучастно къ разсмотрѣнію новаго закона, который и прошелъ въ одно засѣданіе. Какъ бы то ни было, но съ этого момента у насъ твердо установилось металлическое обращеніе на золотой единицѣ,—выдержавшее даже искусь японской войны, которая не могла поколебать нашего денежнаго обращенія.

Нѣкоторые члены Государственного Совѣта впрочемъ замѣчали, что такъ какъ до сихъ поръ періодическая фиксація курса золота была предоставлена Министру Финансовъ и не входила въ компетенцію Государственного Совѣта, то и окончательная фиксація курса золотой монеты Высочайшимъ повелѣніемъ не представляетъ какого-либо нарушенія правъ и преимуществъ Госуд. Совѣта. Мало-по-малу возбужденіе улеглось.

(Окончаніе слѣдуетъ).

